

СОЦИОЛОГИЯ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2025. Т. 25, вып. 1. С. 4–11
Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2025, vol. 25, iss. 1, pp. 4–11
<https://soziopolit.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-1-4-11>
EDN: CRTDDS

Научная статья
УДК 316.35

Старость в контексте возрастных переходов

М. Э. Елютина ✉, Ю. А. Семенова

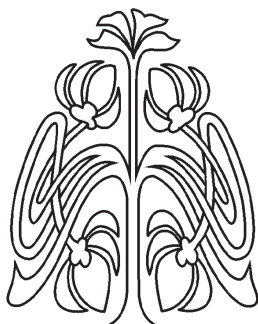
Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Елютина Марина Эдуардовна, доктор социологических наук, заведующая кафедрой социологии социальной работы, elutina133@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5186-2418>

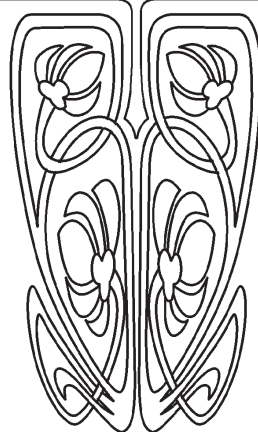
Семенова Юлия Александровна кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии молодежи, semenofa@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6832-3795>

Аннотация. Представлено авторское размышление о возрастных переходах в направлении от рождения до смерти. Выделяются основные представления возрастного перехода в научном дискурсе: как феномена возрастного развития, который демонстрирует темп, способы и механизмы реализации жизненных программ, принятых к действию; как трансформирующийся социокультурный феномен в историческом контексте; как особая смысловая конфигурация. Раскрывается содержание понятия возрастного перехода как промежуточного положения человека, когда открываются новые пограничные зоны и области за пределами репрезентативного возрастного пространства, когда появляются интенсивные точечные чувства, усиливающие, трансформирующие или направляющие восприятие и понимание. Смысловой экзистенциал возрастных переходов объективируется через такие содержательные характеристики, как потребность быть понятым Другим, «без права на возвращение», побудительная причина механизма дальнейшего развития или торможения развития путем схлопывания потребностей и утраты смысла жизни. Обращается внимание на связанность возрастных переходов, в то же время подчеркивается тот факт, что каждый последующий возрастной переход не может быть исчерпан знаниями предыдущего перехода. Содержание перехода определяется как индивидуальными характеристиками, так и контекстуальными факторами. К обсуждению привлекаются новые феномены, связанные с возрастными переходами: отложенное взросление, возвращение фигуры «вечного ребенка» с его эмоциями, страстями, аффектами, с фестивальной культурой (играми, развлечениями) и культурой резонерства, построенной на обесценивании опыта и знаний предшествующих поколений, для которого дальнейшие возрастные этапы становятся продолжением детства, не заканчивающегося никогда, этапами жизни «для себя». Показаны особенности возрастного перехода к старости как перехода к особой атмосферности, включающей формирование особого личностного профиля, жизненного опыта, селективности в социальных взаимодействиях в направлении создания доверительных контактов и эмоциональной включенности в них. Осуществляется анализ ряда факторов, которые осложняют переход к старости в современных условиях: субъективное неприятие собственной старости, увеличение межпоколенческой дистанции и конфликты.

Ключевые слова: возраст, возрастные границы, возрастные переходы, межпоколенческие взаимодействия, старость

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Для цитирования: Елютина М. Э., Семенова Ю. А. Старость в контексте возрастных переходов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2025. Т. 25, вып. 1. С. 4–11. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-1-4-11>, EDN: CRTDDS

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Old age in the context of age transitions

M. E. Elutina ✉, Yu. A. Semenova

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Marina E. Elutina, elutina133@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5186-2418>

Yulia A. Semenova, semenofa@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6832-3795>

Abstract. The reflection on age-related transitions in the direction from birth to death is presented. The main ideas of age transition in scientific discourse are highlighted: as a phenomenon of age-related development, which demonstrates the pace, methods and mechanisms of implementation of life programs adopted for action; as a transforming sociocultural phenomenon in a historical context; as a special semantic configuration. The content of the concept of age transition as an intermediate position of a person is revealed, when new border zones and areas outside the representative age space open, when intense point feelings appear that enhance, transform or guide perception and understanding. The semantic existential of age-related transitions is objectified through such meaningful characteristics as: the need to be understood by the Other, “without the right of return,” the motivating reason for the mechanism of further development or inhibition of development through the collapse of needs and loss of the meaning of life. Attention is drawn to the connectedness of age transitions, while at the same time the fact that each subsequent age transition cannot be exhausted by the knowledge of the previous transition is emphasized. The content of the transition is determined by both individual characteristics and contextual factors. New phenomena associated with age transitions are brought into the discussion: delayed maturation, the return of the figure of the “eternal child” with his emotions, passions, affects, with festival culture (games, entertainment) and a culture of reasoning, built on the devaluation of the experience and knowledge of previous generations, for in which further age stages become a continuation of childhood, which will never end, stages of life “for oneself”. The features of the age-related transition to an old age are shown as the transition to a special atmosphere, including the formation of a special personal profile, life experience, selectivity in social interactions in the direction of creating trusting contacts and emotional involvement in them. The analysis of a number of factors that complicate the transition to old age in modern conditions is made: subjective rejection of one's own old age, increasing intergenerational distance and conflicts.

Keywords: age, age boundaries, age transitions, intergenerational interactions, old age

For citation: Elutina M. E., Semenova Yu. A. Old age in the context of age transitions. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2025, vol. 25, iss. 1, pp. 4–11 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-1-4-11>, EDN: CRTDDS

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Современная ситуация в социологии возраста характеризуется наличием большого количества эмпирического материала по исследованию разных возрастов, начиная с детства и заканчивая старостью. Однако существует явный дефицит теоретического осмысления динамики возрастного развития, возрастных границ и переходов от рождения до смерти. Противоречивость возрастной динамики актуализировала многие важные дискуссионные вопросы, касающиеся состояния рабочей силы и ее экономической производительности, сплоченности поколений, изменений в структуре и функциях семьи, устойчивости, способности поддерживать физическое и ментальное здоровье с течением времени. Проблематизация возрастных переходов связана с неравномерностью и противоречивостью возрастного развития, с поиском механизмов, обуславливающих адап-

тацию к возрастным изменениям через поддержание баланса между приобретениями и потерями ресурсов. Последние с течением времени увеличиваются. Сжатие времени и уплотнение событий приводит к повышению ответственности каждого человека не только за время своей жизни, реализуемого через возрастные переходы, но и за последующие промежутки бесконечного времени. Недостаточное внимание к возрастной изменчивости, особенностям возрастных переходов на практике приводит к структурному отставанию, когда отсутствуют или недостаточно адаптированы к возрастным изменениям институты, законы, нормы, правила поведения.

Возрастные переходы: понятие и смыслы

Временность человеческого существования определяет наличие и осознание такой характеристики, как возрастные переходы в направ-

лении из прошлого через настоящее в будущее. Возраст указывает на *темпоральную структуру жизни*, на ее периодичность, ступенчатость, длительность, количество прожитых лет. Каждый возрастной этап характеризуется своими особенностями, вызовами, к чему-то побуждает, подталкивает. Обозначение возрастных границ влияет на социальный статус человека, на его идентификацию, на формат оказываемой ему помощи и поддержки. Покинуть один возраст можно только для того, чтобы перейти в другой. Человек – кочевой субъект, перемещающийся в возрастном пространстве жизни с его растяжениями, сгибами, изменениями потенциалов. Переход фиксирует неравновесность возрастного развития, предполагающую пересборку своей жизни как целостного процесса с вынесением за скобки всего того, что уже не может быть использовано для дальнейшего развития. Возрастной переход связан с динамическими изменениями Самости в интерсубъективном пространстве жизни, предполагает и метафизические открытия, прозрения и изменения повседневных практик.

Помимо неоднозначности и противоречивости возрастной динамики, изменения критериев и движущих сил возрастного развития, определение понятия «возрастные переходы» сопряжено и с этическими сложностями, особенно в обществе, где контаминационным возрастом является молодость, на которую ориентируется вся социальная структура. Возникает соблазн фиксации на иллюзии постоянства молодости. В контексте этой иллюзии случаются и изолированность, и трагедии индивидуальной жизни.

В рамках социальной теории возрастные переходы анализируются, главным образом, с трех позиций: динамической – как феномен возрастного развития, который демонстрирует темп, способы и механизмы реализации жизненных программ, принятых к действию; как трансформирующийся социокультурный феномен в историческом контексте; феноменологической – раскрывающей смысловые конфигурации данного феномена. Отметим смысловой экзистенциал возрастных переходов.

1. Возрастные переходы связаны с хронологической последовательностью, с порядком очередности, обусловлены возрастными границами с возрастными цензами, нормативными ожиданиями. Здесь много противоречий, поскольку, с одной стороны, необходимо изучать сущность возрастных этапов (для проведения статистических сравнений в разных возрастных

границах важно определить единый фиксированный возрастной порог; он необходим и для установления возрастных пределов, связанных с правами и обязанностями), а с другой стороны, отмечается потускнение возрастных границ, переход к нейтральному стилю жизни, который характерен для разных возрастных групп. Оптическая рецепция через визуальный контакт до недавнего времени была вполне надежным способом идентификации и дифференциации возраста. Так, старость определялась, скорее, по внешности и способности работать, чем по хронологическому возрасту.

Важную роль в этом процессе играла одежда. В. К. Смолина отмечает: «После достижения 60-летнего возраста античные римляне облачались в старческие тоги. В день своего 60-летия японцы отмечали традиционный праздник с передеванием в красный детский жилет. Одежда стариков и старух в России приближалась по своему типу к детской. Она носилась без всяких украшений и шилась из материи белого или темного цвета» [1, с. 34]. В настоящее время эта функция утрачена в связи с исчезновением атрибутов одежды, пищевого поведения и других поведенческих паттернов, характерных для определенного возраста. Развитие техник конструирования телесности, распространение различного рода бодимодификаций сопровождаются в том числе формированием отношения к телу как ценному ресурсу, позволяющему нивелировать возрастные различия. Ощущение возрастной принадлежности в значительной мере создается на основе рамки интерпретации, которая имеет конкретную социокультурную локализацию (к примеру, в геронтологическую группу включали на основании завершения репродуктивного возраста или утраты способности самостоятельно обслуживать свое существование). Возрастное развитие, которое характеризуется динамикой приобретений и потерь на протяжении всей жизни, превращается в открытое пространство для экспериментов. Тем не менее, если и нет резких границ между возрастами, то есть непрерывность с постепенными переходами, которые представляют собой «небольшое смещение», переключаящее регистры восприятия, затеняя одни проблемы и высвечивая другие.

Переход – промежуточное положение человека, когда открываются новые пограничные зоны и области за пределами репрезентативного возрастного пространства, когда появляются интенсивные точечные чувства, усиливающие,

трансформирующие или направляющие восприятие и понимание. Возрастные переходы включают как отрицательные моменты, так и положительные. В качестве отрицательного момента можно назвать утрату точности и ясности, опасность утраты идентичности, демонтаж привычных смыслов и структур, норм и ценностей, в качестве положительного – широту возрастных контекстов, порождающих новые важные и перспективные возможности осмысления. Актуализируется не просто потребность к установлению связей с Другими, а потребность быть понятым Другим. Переход может выступать и как побудительная причина механизма дальнейшего развития, и как стимул для поиска новых возможностей или инициировать торможение развития путем схлопывания потребностей и утраты смысла жизни. Смысловая составляющая возрастного перехода – связывание опыта жизни на определенном возрастном этапе с новыми требованиями и ожиданиями.

2. Возрастной переход обладает такой характеристикой, как «без права на возвращение» [2]. Если человек не просто «оглядывается назад», а втягивается в него, застревает в нем, у него нет будущего. Он остается в бесплодной зоне до конца своей жизни, реальность заменяется иллюзией. Возрастные переходы не предполагают разрывов, но есть трещины, в которые можно провалиться, оказавшись в пограничной темпоральности. Окружающая человека среда становится проекцией прошлых образов, и невозможно говорить и строить взаимоотношения с конкретными Другими. Это ситуация, когда человек отворачивается от собственной феноменальности и приходит к застыванию, статичности, не может принять новые ролевые и статусные характеристики по своей воле.

3. Появляются новые феномены. К примеру, когда мы говорим о переходе от детства к взрослости – это феномен отложенного взросления. Произошла смена контаминационной возрастной фигуры, исходя из которой продумывается и организовывается общественная жизнь. Специалисты говорят о возвращении фигуры «вечного ребенка» с его эмоциями, страстями, аффектами, с фестивальной культурой (играми, развлечениями) и культурой резонерства, построенной на обесценивании опыта и знаний предшествующих поколений, для которого дальнейшие возрастные этапы становятся продолжением детства, не заканчивающегося никогда, этапами жизни «для себя».

С. А. Лишаев содержательно представляет определенный тип молодых людей – инфантилов, которые имеют возможность вести себя по-взрослому, самоопределяться и брать ответственность за себя и других, но ведут «рассеянный образ жизни» с уклоном на развлечения (нередко на средства родителей) и безответственность [3, с. 117]. Все хронологически более раннее воспринимается ими как отжившее, устаревшее, старомодное. Прошлое, если и имеет значение, то только в той мере, в какой возвещает и предвосхищает настоящее. Отложенное взросление у представителей молодой когорты объективируется в форме желания отодвинуть вступление в брак на более поздний срок, нежелания рожать детей у представителей молодой когорты. Такие люди-дети застревают на периоде детства. Инфантилизм проявляется не только вовне, люди-дети не могут концентрироваться на предмете своих мыслей, они ничего не делают для конструирования изменений внутреннего мира, для работы над своей душой. Отсутствие механизма самоуправления либо перекрывает процесс самореализации, либо направляет его в сторону изолированного мечтательства или склонности к жестокости, или к шутовству. Х. Ортега-и-Гассет называет возможность жить в долг псевдоправом молодежи, шантажом несерьезного отношения к жизни, цель которого – всеми силами отделаться от необходимости исполнения морального долга [4, с. 227], ошибочно полагая, что нет ничего непоправимого и необратимого. У людей-детей отсутствует понимание важнейшего проявления свободы воли – свободы подавления своих капризов. Привычная матрица детства снимает взрослые вопросы и ответственность.

А. Андреева, анализируя особенности взросления российской молодежи в контексте терапевтической культуры, приходит к выводу о том, что путь во взрослость молодежь связывает с поиском себя, осознанием личностных границ, достижением психологического комфорта, контролем над эмоциями (взрослость предполагает стремление к самосовершенствованию, но не ограничивается им, кроме того, важно знать, как этот процесс встраивается контекстуально в структуру отношений). В логике терапевтической культуры взрослость определяется через способность не поддаваться влиянию внешних факторов [5, с. 69]. Такая модель взросления фокусирует внимание на собственной самости. В определенном смысле происходит отмеживание от части мира, которая представляется

недостижимой и незнакомой, не доступной для контроля. Концентрация на внутренних переживаниях и эмоциях может привести к эффекту «капсулы» с ожиданиями изменений внутри человека. Логично предположить, что такая социально-эмоциональная избирательность более характерна для пожилых, чем молодых людей в силу ограниченности временного горизонта. Терапевтическая модель взросления может быть интерпретирована как «нагруженное принуждение» к отслеживанию своих чувств и контролю за ними (чувства напоминают «переживания без переживающего»), при этом внешние по отношению к ним процессы и явления «не цепляют». Все остается без последствий, поскольку «нецепляющие» события соскальзывают как с гуся вода, срезаются возможные предикаты. Помимо рефлексизирующих действий взрослость предполагает длительные волевые усилия, формирование чувства ответственности не только за себя, но и за Другого. Остается согласиться с выводом А. Андреевой, что в рамках терапевтической культуры взрослость оказывается недостижимой целью [5, с. 69].

Напомним, что долгое время человечество жило в период, когда возрастной переход из детства к взрослости сопровождался серьезными инициациями. Нужно было пройти многие испытания для того, чтобы получить статус взрослого. В настоящее время при отсутствии таких инициаций никто не хочет взрослеть. В противовес этому транзикация в пожилой возраст существенно осложнилась многочисленными правилами и установлениями, нередко оказывающимися испытаниями на физическую и моральную выносливость (увеличение пенсионного порога, пролонгирование профессионально-трудовой деятельности, неустойчивость пенсионных систем, рост цен на медицинские услуги, усилия, направленные на поддержание молодости тела, затраты времени и средств на получение всевозможных справок, на получение информации и т.д.).

4. Каждый переход является частью жизненного пути человека и, следовательно, связан во времени с другими переходами. Каждый последующий возрастной переход не может быть исчерпан знаниями предыдущего перехода. Содержание перехода определяется как индивидуальными характеристиками, накопленным капиталом, так и контекстуальными факторами. Ранние рейтинги жизни проецируются на последующие возрастные этапы, либо позитивно на них влияют, либо существенно осложняют жизнь.

Особенности перехода к старости

Непростая тема возрастных переходов усложняется при совмещении со старостью, которую нередко маркируют негативно и рассматривают в модусе отстранения от социального мейнстрима с доминантой аффективного взаимодействия пожилого человека с различными средами: семейной, профессиональной, социальной, технологической. Возрастной переход от зрелости к старости в научном дискурсе анализируется, главным образом, через перечисление потерь, утрат, а не приобретений. Наступление старости вообще все больше напоминает надвигающуюся угрозу: болезни, немощность, потеря самостоятельности, одержимость прошлым. Подчеркивается ограничение возможности как когнитивного экспорта, так и когнитивного импорта. И это идет вразрез с последними данными нейробиологии, которые фиксируют наличие возможностей в старости для полноценного интеллектуального развития и поддержания ментального здоровья.

Невозможно как «исключить» старость из жизненного пути человека, так и приписывать ей только положительные характеристики. Последнее как раз намечается как одно из направлений анализа старости, когда этот возрастной этап представляется не в полной своей сложности, а в урезанном, «подкрашенном» виде – бодрая, активная, сексуальная, моложавая, припудренная старость. Возможно, такой подход выступает определенным «противовесом» «раздуванию» негативных характеристик старости, ее медиализации. Здесь важно определить те возможности, которые открываются на данном возрастном этапе, те факторы, которые усложняют переход к нему.

Можно назвать переход к старости переходом к особой атмосферности, что объективируется следующими моментами:

1) рельефно вырисовывается конкретный человеческий облик с определенным характером и стилем поведения. Х. Ортега-и-Гассет так описывает этот процесс: «...я открывается мне медленно, на протяжении всей моей жизни, и это – пугающий процесс сжатия, уплотнения, превращения в сгусток конкретности того огромного, расплывчатого, беспредельного, чем я когда-то был, чем я ощущал себя в детстве» [4, с. 379]. «Сжатие» в данном случае не означает сокращение, умаление Самости, а представляет собой трансформацию рассеянного «Я» в особый личностный профиль, когда отпадает все наносное и человек концентрируется на главном;

2) время по-новому ритмически конституируется: любые факты превращаются в события, которые заблаговременно планируются. Формируется особая темпоральность жизни – погруженность в актуальное, без лишних отвлечений на иллюзии, время как бы преобразовывается в энергию самоуглубления. Меняется и восприятие времени: «часы тянутся» – для детства, «время бежит» – для старости. Происходит мысленный возврат к прошлому (осознание конца жизни, психологическое одиночество, ослабление устремленности в будущее), который, по меткому выражению С. Смайсльса, может быть и утешителем, и украшателем, и учителем, и мучителем [6];

3) привилегией старости является наличие жизненного опыта, который превращается во внутренний механизм регуляции и контроля, позволяющий принимать взвешенные решения с ориентацией на социальную ответственность. Опыт – феномен внутренней природы, если его не объективировать (для этого нужны соответствующие условия), то он остается запертым в индивидуальном сознании, так как его нельзя ни потрогать, ни сосчитать, ни взвесить;

4) контраст между жизнью и смертью «примирен» в старости, за счет глубинной антропологической интенции происходит соединение Дома и Вечности, что порождает жизненную вдумчивость, возможность заселить пространство жизни строгими структурами смысла. Наблюдается избирательность в социальных взаимодействиях в направлении формирования доверительных связей и минимизирования негативных переживаний. Специалисты отмечают наличие адаптивного механизма, с помощью которого пожилые люди могут регулировать размер и состав социальных контактов, поддерживать баланс эмоциональных состояний и находить смыслы в отношениях [7]. А это, в свою очередь, становится основой любой настоящей продуктивности – в практической деятельности, науке, искусстве.

Переход к старости зависит от субъективного восприятия данного возрастного статуса: адекватное (старость признается и принимается) и сбившееся восприятие (старость признается, но не принимается). Во втором случае речь идет о своеобразном протесте против старости. Человек может либо активно сопротивляться старости всеми доступными способами: тренировки, диеты, косметология, пластическая хирургия, либо пассивно не принимать старость, чувствуя

себя несчастным при любом раскладе. Пассивное неприятие старости у одних проявляется в виде «эффекта улитки», они предпочитают уход в частную жизнь, в рамки насущных забот с характерным сужением основного круга социального самоопределения и самореализации до первичных групп; у других – в виде ressentимента (бессильной обиды), когда обвиняют других в своих проблемах, когда формируется тотальная обида на собственную недооцененность, что проявляется в нежелании, в случае необходимости, изменить свою профессию на более востребованную, пройти курсы повышения квалификации, самостоятельно решать проблемы своей занятости и дохода. Пассивное неприятие собственной старости может проявиться в виде феномена «отрицательной предвзятости», связанного с различного рода кумулятивными процессами в этом возрасте, когда ориентиром в восприятии окружающей действительности выступает недоверие. Во всех рассмотренных случаях возможна «собственная отчужденность», нарушение целостного восприятия своего «Я». Нередко наблюдается риторика беззащитности, слабости, когда негативная интерпретация старости выступает как средство для нивелирования ожиданий и претензий. Происходит ценностное снижение возрастной фигуры.

Вариант, когда старость признается и принимается, предполагает определенные усилия в направлении осмысления и активизации своих ресурсов. Нередко принять свою старость, признать ее неумолимый характер означает осознать необходимость делать то, чего делать не хочется: преодолевать риски скрытого небытия (лень, страх, погруженность в недомогания) и тяготеть к конструктивной проявленности. Для достижения желаемых позитивных результатов необходимо усилие, активная вовлеченность в деятельность, в то время как негативные события происходят спонтанно время от времени. Жизнь выдающихся людей демонстрирует тот факт, что, даже будучи больными и инвалидами, они смогли успешно жить и стареть, добиться успеха в ключевых областях, принимая себя во всех ипостасях и возрастах. Подчеркнем, что принимать свою старость не означает ориентироваться на общественную похвалу или поощрение. Речь идет, главным образом, о том, чтобы получать удовольствие от новых возможностей в отношении между собой и внешним миром. Аргумент близости смерти, «тикающей временной бомбы» сохраняет свою значимость, но он и создает

новый осмысленный рисунок возможностей. Признание и принятие своей старости нацеливает человека на конструирование собственного процесса старения, включающего и телесные, и духовные практики, и участие в социальных взаимодействиях, и знания, необходимые для преодоления болезней и потерь.

В качестве исключения можно рассмотреть случай, когда человек, располагаясь на возрастной шкале еще далеко от старости, идентифицирует себя именно с ней, особенно в случае, когда спираль ухудшения своей жизни объясняет принадлежностью к данной возрастной группе. Это напоминает поведение Королевы из «Алисы в Зазеркалье», которая завопила от боли раньше, чем укололась.

Переход к старости осложняется увеличением межпоколенческой дистанции и в материальном, и в ментальном плане, приводящей к тому, что для многих молодых людей старость становится фигурой удивления, когнитивным сбоем, эффектом обманутого ожидания, когда старость наступает, а ей в ответ – не ждали. На пожилого человека смотрят как на виновника, позволившего себе стареть или плохо стареть по аналогии с романом С. Батлера «Едгин, или По ту сторону гор», в котором описывается страна, где считается, что в проблемах со здоровьем виноват тот, кто их имеет, а за серьезную болезнь в Едгине можно сесть в тюрьму [8]. Ориентации старшего поколения (труд с коннотацией добродетели, профессиональные заслуги, опыт) рассматриваются как ископаемые мысли и нормы поведения, не отвечающие повестке дня. Молодежь ориентирована прежде всего на коммуникации и наращивание соединений. А в отношении предоставления заботы старшему поколению молодежь в лучшем случае нацелена на монетизирование проблем, а по сути, оставляет пожилых людей один на один с их проблемами, а взамен, в лучшем случае, дает им деньги. В случаях межвозрастной конкуренции, когда наиболее ценными качествами считаются дерзость, решительность, нередко и беспринципность, не связанные с моралью действия, пожилые люди вынуждены загружать себя работой, проявлять чрезмерную активность в повседневной жизни. Главное, чтобы никто не подумал, что они в пожилом возрасте не могут выполнить работу в полном объеме, соответствовать требованиям на рабочем месте. В семейной жизни они также загружают себя работой по заботе о детях, внуках, чтобы подтвердить свою нужность, значимость.

В профессионально-деловой сфере, несмотря на наличие высокого образовательного уровня, профессиональных знаний, умений, навыков, опыта работы, имеют место ограничения для реализации трудовой активности пожилых людей. Пенсионный возраст устойчиво идентифицируется с карьерной «бесперспективностью» работника, отмечается усиление тенденций несоответствия трудовой занятости и квалификации работающих пенсионеров, отсутствуют адекватные нормативно-правовые механизмы, регулирующие трудовую деятельность представителей геронтологического возраста, а также эффективные стратегии дальнейшего развития человеческого капитала работающих пенсионеров.

Пандемия продемонстрировала новые виды неравенства с точки зрения желания и возможности пролонгировать свою профессионально-трудовую деятельность. Для определенной части пожилых людей ситуация изоляции ускорила их переход от работы к пенсии. Проявились новые виды дискриминации в отношении пожилых людей, и обострился конфликт поколений. Пожилые люди столкнулись с игнорированием своих потребностей, нежеланием некоторых молодых людей изменить образ жизни, несмотря на то, что они в меньшей степени рисковали серьезно заболеть, заразившись коронавирусом. Беспокойство вызвали и факты пренебрежительного отношения к пожилым пациентам со стороны медицинского персонала, для которого лечение пожилых пациентов индексировалось как второстепенное дело [9]. И в постпандемийный период обнаруживается факт сохранения нормирования медицинского обслуживания, при котором пожилые пациенты обслуживаются в последнюю очередь. Даже у хороших профессионалов это отношение нередко выступает с неизбежностью рефлекторной реакции и подмешивается, пусть и без видимых последствий, к поведению в целом.

Переход к старости осложняется и тем, что возраст вообще и старость в частности в современном мире осваиваются вслепую. Молодежь и представители среднего возраста по тем или иным причинам ускользают от усвоения геронтологического текста, довольствуясь разного рода визуальными симулякрами, не проецируют старость на свое будущее, не замечают ее повседневности, неопределенности, инаковости. Между тем старость, как и любой другой возрастной этап, всегда даны в модусе отношения к ним. В этой связи можно выделить разные уровни отношения к старому человеку:

как к ведущему (занявшему властные позиции), как к направляющему (подсказывающему правильные направления), как к действующему (помогающему не только словом, но и делом), как к исключенному (неспособному к восприятию и реализации социальной инициативы). Современность настоятельно требует признания самоценности старости, отношения к старому человеку как действующему, при этом использующему те способы, которые ему наиболее удобны, а также наличие взаимной ориентации на возможные различия в повседневной взаимопринадлежности.

Заключение

В современном российском контексте ощущается дефицит проектов возрастной динамики и связанных с ней исследований особенностей возрастных переходов с целью освоения более жизнеспособных практик. Хотя очевидна значимость информации о том, чего надо ожидать, чего следует избегать и как адаптироваться к новым возрастным реалиям. Возрастные переходы манифестируют непрерывность человеческой жизни, связывают опыт жизни на определенном возрастном этапе с новыми требованиями, ожиданиями, запросами. Возрастные переходы в настоящее время осуществляются иным образом, отличным от предшествующих исторических эпох, что обусловлено ускорением течения жизни, глобальной ее технологизацией.

Возможны различного рода отклонения от ретрансляции возрастного опыта, опасности попадания в ловушку пограничной темпоральности, нарушения ценностно-смысловых координат. В связи с инклюзивно обусловленным ростом возрастного неравенства возможностей для самореализации, для социального включения актуализируется проблема перехода к старости. Несмотря на то, что объективно этот переход раздвигает рамки фактуальности и открывает новые возможности развития (к примеру, возможна разблокировка не востребуемых на предыдущих возрастных этапах элементов – желания заняться любимым делом, остаться самим собой, уникальной личностью), он негативно коннотируется, сопровождается ощущениями потери опоры и пессимизмом в связи с возрастанием

риска реализации негативных сценариев жизни на геронтологическом этапе: «эффект улитки», рессентимент, карьерная «бесперспективность», перегрузка на работе и в семье, предоставление и получение услуг в последнюю очередь.

Подытоживая сказанное, полагаем, что тема возрастного перехода открывает доступ к уточнению понятий времени, возраста, актуальна не только как исследовательский проект, но ее важно учитывать при разработке образовательных и социальных программ, при предоставлении услуг и ресурсов с целью поддержания потребностей и желаний представителей разных возрастных групп населения.

Список литературы

1. Смолина В. К. Размышляя о старости // Серия «Symposium». Философия старости: геронтология. Вып. 24 : сб. материалов конф. СПб. : Санкт-Петербургское философское общество, 2002. С. 32–35.
2. Стародубцева Л. В. Лотова жена, или Невозможность возвращения // Вопросы философии. 2005. № 4. С. 23–37. EDN: HRYSNP
3. Лишаев С. А. От детства к зрелости (феномен пролонгации молодости и современность) // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Философия. Филология». 2016. № 2 (20). С. 110–132.
4. Ортега-и Гассет Х. «Дегуманизация искусства» и другие работы. Эссе о литературе и искусстве : сб. : пер. с исп. М. : Радуга, 1991. 632 с. (Антология литературно-эстетической мысли).
5. Андреева А. Взросление в терапевтической культуре: самоконтроль и самопознание как основа новой культурной модели // Журнал исследований социальной политики. 2024. Т. 22, № 1. С. 59–78. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2024-22-1-59-78>
6. Смайльс С. Характер. СПб. : Изд-е книгопродавца В. И. Губинского, 1889. 404 с.
7. Мелехин А. И. Социо-эмоциональная селективность как фактор субъективного благополучия в пожилом и старческом возрасте // Клиническая и специальная психология. 2015. Т. 4, № 3. С. 20–33. <https://doi.org/10.17759/cpse.2015040302>, EDN: VSKVSL
8. Батлер С. Едгин, или По ту сторону гор. М. : Libra, 2023. 246 с.
9. Галкин К. А. Ограниченное пространство: город в период пандемии в представлениях пожилых людей // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2021. Т. 13, № 2. С. 27–40. <https://doi.org/10.19181/inter.2021.13.2.2>, EDN: FQDPVM

Поступила в редакцию 10.07.2024; одобрена после рецензирования 25.07.2024; принята к публикации 09.08.2024; опубликована 28.02.2025
The article was submitted 10.07.2024; approved after reviewing 25.07.2024; accepted for publication 09.08.2024; published 28.02.2025